

23 MAR 1985

ОТКРОВЕНИЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Наш собеседник актер Александр АБДУЛОВ

— У ВАС В ЖИЗНИ МНОГО БЫЛО ИНТЕРВЬЮ?

— Довольно много.

— А ОХОТНО НА НИХ СОГЛАШАЕТЕСЬ?

— Меня не только на интервью, на многое, в том числе и на роли очень легко уговорить. Я поддаюсь на уговоры, порой попадаю в плохие игры, и это отнюдь не становится гарантией от следующей, совершенно аналогичной ситуации. Такой вот характер.

— И НА ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТЕ ОТКРОВЕННО?

— А что скрывать? За что я люблю свою жену?

— ИЛИ, НАПРИМЕР, СВОЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ...

— Популярность — дело сложное. У меня она не такая высокопробная, как у Евгения Леонова. Настоящая популярность — это, знаете ли, тоже дефицит — когда самые лучшие режиссеры мечтают снять тебя в самых лучших фильмах, и телефон от звонков разрывается. А те звонки, которые до шести утра, и в трубку сыплют — это мура и только раздражает. Но грубить нельзя, иначе до восьми звонить будут. Приходится убеждать, уговаривать, объяснять, что каждый человек имеет право пожить спокойно.

— И ВЫ СТРЕМИТЕСЬ ИМЕННО К ЭТОМУ?

— Я безумно боюсь, что перестанет звонить телефон. За 12 лет ни разу не был в настоящем отпуске. Однажды мы с Ириной собрались и все-таки поехали. Море, пляж, Болгария! На шестой день я уже не мог найти себе места — так мне страдало. Мне казалось, что в это самое время у меня дома бесперебойно звонит телефон и все киностудии страны хотят видеть на своих площадках именно меня.

— И КАК ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЕ ИДЕАЛЬНОЕ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ?

— Я над этим не думал настолько, чтобы сформулировать. Но вот один ребенок — это была реплика в сценарии, которая в картину не вошла, — сказал, что счастье — когда все так хорошо, так хорошо, и ты думаешь: какое счастье!

— А ГОДЫ, МЕЖ ТЕМ, ЛЕТЯТ. СКОЛЬКО ВАМ СЕЙЧАС?

— Годы летят — 32. Кажется, вот только пришел в театр, был самым молодым актером, а прошло уже десять лет. И самые молодые совсем другие. Правда, по запарке Марк Анатольевич Захаров иногда и меня называет молодым.

— ОН ВАС ЛЮБИТ?

— Я боюсь гневить бога. Но знаю точно, что у него я готов пройти на шестом плане, потому что это — Захаров. Вы видели телефильм «Формула любви»? Разве бы к другому я на такую роль пошел?

— ВЫ ЖЕ ЛЕГКО ПОДДАЕТЕСЬ НА УГОВОРЫ.

— А Захаров меня уговаривать не надо, к нему — не задумываясь. Захаров взял меня из института и сразу дал главную роль — в спектакле «В списках не значился». Как я ее любил — роль лейтенанта Плужникова! Сколько вложил в нее и сколько из нее для себя вычерпал! И только недавно нашел в себе силы от роли этой отказаться, потому что поздно мне уже играть 19-летнего мальчишка. И так было тяжело с ним расставаться. С тех пор, когда идет этот спектакль, я не могу войти в зал — больно.

И подумать страшно, что когда-то придется расстаться с «Жестокими играми». Семь лет мы играем этот спектакль. Семь лет — аншлаги. И я не помню двух одинаковых спектаклей. Все потому, что Захаров выстраивает «коридор», в котором должен существовать актер, и где можно импровизировать до бесконечности, не уставая и не исчерпываясь. Я живу в этом спектакле, мне не нужно здесь настраиваться и переустраиваться.

— А РЕПЕТИРОВАТЬ С ЗАХАРОВЫМ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ПОДОБНОГО РЕЗУЛЬТАТА, — ТЯЖЕЛО?

— Что вы! Это такое счастье! Он же — динамит! Такого, чтобы пришел, уселся и солидно сказал: «Ну, давайте репетировать», — и быть не может. Он весь горит. И других зажигает. Он него токи во все стороны бегут! Потому и рвется к нам в театр зритель всех возрастов — и старики, и молодежь.

— А ВЫ, ЛИЧНО ВЫ — ЗНАЕТЕ ЭТИХ МОЛОДЫХ, КОТОРЫЕ РВУТСЯ К ВАМ В ТЕАТР, ЭТО НЫНЕШНЕЕ МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

— Я рос очень самостоятельно. Никогда ни в каком детском саду, ни в каких «продленках» не был. Как многие мальчишки нашей Ферганы. Я вырос на улице. И улицу знаю. Но знаю и другое: разница в три года — и люди говорят уже на разных языках. Иногда попадаешь в новую компанию, видишь незнакомые лица и силичишься определить: сколько же им лет? 20? 30? Ни за что не угадаешь!

— И ВЫ ЧАСТО БЫВАЕТЕ В НЕЗНАКОМЫХ КОМПАНИЯХ?

— Бываю. Я это люблю. Мы ведь, в принципе, спецификой нашей работы оторваны от нормальной жизни. Между собой — никаких разговоров, кроме профессиональных. С чего бы ни начал, все равно придешь в ней — к профессии. А вот попал недавно к врачам. Ну, поговорили о театре, а потом как-то незаметно перешли на их темы. Слушаешь и понимаешь, что все так же, как и у нас: в тысячу раз интереснее чужих проблем — то, как вырезали аппендикс. И сидишь, впитываешь в себя, как губка. Это тоже входит в нашу профессию — вобрать в себя как можно больше, потому что никогда не знаешь, что тебе придется в жизни играть.

— ЭТО НЕ ОПАСНО — ИГРАТЬ МНОГО И ВСЕ ПОДРЯД?

— Но почему тогда никто не винит токаря в том, что он стремится выточить как можно больше деталей, если он хорошо их выточивает? Династии на заводе — привстываются. А у нас: ага, сына в театр привел, понятно... Что понятно? Я, например, хочу, чтобы моя дочь Ксюша стала актрисой. Хотя, когда ее утвердили на главную роль в трехсерийном телевизионном фильме, и съемки совпали с занятиями в школе, пришлось отказаться. И очень жалко ее было, когда, расстроившись, но без слез, очень гордо она сказала: «Я вам этого никогда не забуду».

— ЭТО ОЧЕГО БОЛЬШЕ ВСЕГО ВАМ ХОЧЕТСЯ ЕЕ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ?

— От пустой траты времени. Это и мне свойственно. Иногда остановишься: боже мой, что я делаю, ведь его не вернуть! И в картинах, бывает, снимаешься таких, что только и мечтаешь поскорее закончить и забыть, как страшный сон. Знаете, по какому признаку легче всего определить, хороший фильм или плохой? По банкету после премьеры. Если веселятся до упаду — плохая картина. Безошибочно. А после «Обыкновенного чуда» за столом сидели (вы помните, кто там снимался?) будто слепые люди Советского Союза — и после картины Захарова «Дом, который построил Свифт», где, я считаю, лучшая моя роль (потрясающая эволюция: от скотины, одноклеточного существа — к Гулливеру, а потом — к Свифту), все сидели в тоске и не верили, что все кончилось, и надо расставаться.

— НО ЭТО — ПЕЧАЛЬ ПОСЛЕ ФИНАЛА. А ЕСТЬ ЛИ ДРУГАЯ — ПО ТОМУ, ЧТО ЕЩЕ НЕ ПРОИЗОШЛО?

— К сожалению, нет таких тридцатилетних режиссеров и сценаристов, которые могли бы рассказать о проблемах нашего поколения. В этом смысле Янкович везет больше, он с теми, у кого снимается, имеет возможность говорить о том, что всех их, сорокалетних, волнует. Актеры моего возраста такой возможности пока лишены.